

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В.А. Ачкасова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В статье рассматриваются механизмы формирования региональных политических идеологий, структура идеологических систем. Поскольку региональные социумы находятся в самом начале процесса конструирования идеологий, главное внимание уделено особенностям мифотворчества как этапа, предваряющего создание завершенных идеологических концепций.

«Тайна власти заключается в триаде: духовная гегемония — организация — ресурс» [1, с. 328]. Приоритетное место духовной гегемонии в этой системе обеспечивает правящему слою высокую степень легитимности. Отсюда наличие идеологии как важного условия успешного функционирования властной элиты.

Феномен региональных политических идеологий появился на основе кристаллизации политических и экономических интересов местных элит. На фоне системного кризиса и идеологического вакуума обострились экзистенциальные вопросы, значимость ценностей, веры и убеждений резко возросла.

В условиях отсутствия общенациональной идеи, способной консолидировать население, именно региональные идеологемы выступили в качестве компенсаторного механизма групповой идентичности, именно они стали инструментом формирования в менталитете регионального электората локального «образа мира».

При анализе сущностных черт региональных идеологий на авансцену выступают следующие проблемы:

- кто стоит у истоков создания идеологем;
- каковы компоненты региональных идеологий;

— существуют ли и в чем заключаются различия в содержании идеологических схем, доминирующих в сознании элит/электората тех или иных территорий.

Политическая идеология с точки зрения семантической и функциональной — понятие многозначное. В качестве ее базовых критериев в разных концептуальных системах выступали различные основания. Так, у Маркса термином «идеология» обозначались различного рода идеи, носящие ненаучный характер и коренящиеся в классовых интересах. Идеологический метод интерпретации действительности, согласно сторонникам этого направления, состоит в конструировании мнимой реальности, которая выдается за подлинную. Тем самым идеология оказывается иллюзорным сознанием, выполняющим мобилизационную функцию.

Серьезное влияние на формирование различных подходов к идеологии в современной политической науке оказала концепция К. Маннгейма, где идеологические схемы рассматривались как формы ложного, «апологетического» сознания. Будучи по своей природе «трансцендентной», недоступной пониманию, но являясь предметом веры, идеология играет по отношению к действительности роль стабилизирующего, охранительного фактора.

Впоследствии попытки разработать рациональные методологические подходы к конструированию точного смысла и структуры идеологии были предприняты А. Грамши, Э. Шилзом, Д. Сартори, А. Амальриком и др. Центральным тезисом А. Грамши является мысль о том, что идеологии отличаются от различных теорий и философских систем своей постоянной ориентацией на действие, на соединение с практикой, тяготея, таким образом, к политике. Э. Шилз делает акцент на ценностном характере идеологии, выступающей в качестве политического мировоззрения и имеющей силу веры. Именно благодаря последнему свойству идеологические системы способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной дезинтеграции и аномии. А. Амальрик обращает внимание на институциональные характеристики идеологии: идеология — социально значимая система идей, поддерживаемая той или иной общественной группой и служащая закреплению или изменению общественных отношений.

Несмотря на указанную многозначность подходов к пониманию идеологии, общепризнанным является постулат, согласно которому идеология структурирует смысл и концептуализацию политического пространства, обеспечивая, по словам американского культурантрополога К. Гирца, «новые когнитивные путеводители для общества и помощь в восстановлении порядка» [2, р. 220].

Особое явление представляет собой идеология региональная — феномен чрезвычайно многомерный, не сводящийся к системе идеалов, ценностей, ориентаций. «Идеологии — это гибкие сети идей, открытые интерпретациям и инновациям индивидуальных и групповых действующих лиц. Двойственная природа идеологий выражается в том, что они могут одновременно творить и выражать настроения и предпочтения» [3, с. 43]. Далеко непростым является ответ на вопрос о том, кто выступает творцом региональных идеологий. Представляется несколько упрощенным опре-

деление локальных идеологических схем как систем норм, ценностей, идеалов и т. д., конструируемых региональными элитами [4]. В контексте такого подхода «снимается» вопрос об активности и влиянии самих региональных сообществ, а не только представляющих их элитных групп.

В действительности региональная идеология создается в результате «переделки» социокультурных установок, норм, психологических архетипов, присущих локальному социуму, но окончательным ее интерпретатором и выразителем выступает политическая элита. Она как бы реконструирует «фрагменты» прежних святынь, пытаясь создать из них целостное полотно.

Анализируя роль и статус идеологических систем в контексте региональных изменений, отечественные исследователи отмечают их социальную значимость и вполне заверченный характер. Думается, однако, что говорить об окончании процесса формирования региональных идеологий преждевременно. Дело в том, что этот процесс предполагает целый ряд этапов — от создания мифологемы до стройной идеологической концепции, обладающей в глазах общества авторитетом научной истины. В нынешних условиях региональной политической элите России свойственна именно мифотворческая деятельность, технику которой достаточно детально описал еще Э. Кассирер (придание идее имиджеобразующего звучания, прочествование, политическая обрядность и т. д.) [5, р. 286].

Социальная мифология — начальная фаза и составная часть идеологического процесса. В последние десятилетия XX в. в зарубежной научной мысли произошло существенное переосмысление значимости мифологии в жизнедеятельности социума: мифы и мифологемы рассматриваются в качестве элементов информационной структуры общества, позволяющей ему функционировать, снимать внутренние напряжения, эволюционировать*. Миф обобщает опыт непосредственно, просто, неререфлексивно. В отличие от рассудка, которому свойственно отыскивать сложности, миф передает простоту непосредственной данности. Базовым элементом мифа выступает мифологема, сопровождающаяся необычайно живыми эмоциями, способная впечатлять, внушать, увлекать, поскольку восходит к универсально-постоянным началам в человеческой природе. Не истинность (ее сложно проверить), не правильность (соответствие социальным нормам), а правдоподобие становится критерием оценки мифа человеком. «Правдоподобие как правдивое подобие нашему внутреннему миру, — пишет С.А. Маничев,— существование аналогий в нашем опыте переживаний... побуждает человека принять или отвергнуть миф. Принятый миф становится "сакральным", священным..., поскольку это воспринимается как подрыв самих основ бытия и смысла жизни человека. Когда исчезают ценности — приходит отчаяние. Миф становится символом веры» [7, с. 157]. Причем все сказанное вовсе не означает абсолютной примитивности, иррациональности и бездуховности мифа. Следует принять точку зрения К. Леви-Стросса, согласно которой мифологическое мышление не есть

* См., например, работы представителей «третьего поколения» школы «Анналов» (в частности [6]).

нечто низшее и ущербное; просто оно оперирует другим материалом — чувственно воспринимаемыми качествами объектов.

Анализ целого ряда представлений, теоретических оснований и моделей развития, артикулируемых региональными элитами, позволяет квалифицировать их как вид социально-политической мифологии. Для идеологий характерна жесткая соотнесенность с выделенными в данном обществе социальными группами, в то время как мифологии отличаются в социальном плане расплывчатыми, аморфными пределами.

При проведении различий между идеологией и социальной мифологией важнейшее основание — социальные функции данных явлений в обществе или регионе. Абсолютной и четкой грани между ними нет, но в политическом пространстве каждое из них реализует специфическую роль.

Функциональное назначение социально-политического мифа заключается в формировании и поддержании региональной идентичности, без которой невозможна политическая мобилизация регионального сообщества. Кроме того, этот миф обеспечивает психологическую компенсацию провинциализма, позволяющую носителю региональной идентичности позитивно оценивать свою принадлежность к данному региональному социуму. Наконец, социально-политический миф выполняет креационную функцию: он «создает» региональных лидеров, помогая им сформулировать привлекательную для электората локальную «картину мира». Региональная мифология повествует о прошлом (как правило, очень далеком) и о будущем. Настоящее слишком скучно и неинтересно, оно видится временем упадка, а вот прошлое — «золотой век», век великих деяний и героев. Вместе с тем этот миф актуализирует архаические элементы сознания [8].

Активизация архаических структур сознания осуществляется в нескольких направлениях. В первую очередь, речь идет о потере личностью собственной идентичности, что стимулирует поиск новых форм и способов идентификации с социальной средой. Этот поиск заканчивается обычно экзистенциальным слиянием с группой, благодаря чему рождается чувство защищенности перед действительностью, представляющей чуждой и враждебной.

Причем, первоначально проявляются наиболее очевидные этнические и этноконфессиональные характеристики, по которым происходит идентификация*. Позднее они дополняются идентификацией региональной, когда регион выступает в качестве субъекта «мы», отстаивающего свои специфические права, в противовес мифологизированному образу «центра», стремящегося эти права отобрать.

Другим вектором актуализации архаических структур массового сознания является персонификация представлений о причинах происходящих в обществе трансформаций: создание образа идеального героя-вождя, предлагающего свой собственный вариант решения проблем социума, и одновременно образа врага — носителя абсолютного зла.

Третье направление архаизации массового сознания в кризисной ситуации связано с активизацией мифологических представлений о времени

* Это и было одной из фундаментальных причин выдвижения политического вызова Центру автономиями.

и пространстве. Для господства архаической культуры характерен локализм, ощущение сужения пространства и времени. Постулатами мифологизированного регионального времени являются тезис о неоднородности и нелинейности времени, на котором базируются представления о «золотом веке» региона; принцип цикличности, предполагающий возможность повторения «золотого века» в будущем; нерасчлененность пространства и времени, что проявляется в образе «переноса пространства» — идеологема региональной исключительности в истории государства или даже всего мира. Так во временном диапазоне выделяются два периода — «предыстория» и собственно «история». В рамках первого периода ищутся истоки нынешнего состояния локального социума, второй выступает точкой отсчета совершенно новой жизни региона, началом движения к «светлому будущему». Институционализируется явление, получившее название «реконкисты истории». Нация/региональный социум, убежденные в том, что с приходом тоталитаризма их история прервалась, пытаются отыграть свою «недооцененную собственность». Чаще всего это находит выражение в смене монументов, названий улиц и других символических жестах.

Что же касается восприятия пространства, то одним из главных его свойств является качественная неоднородность, выделение в нем сакрального центра и отдаленной периферии, причем к последней относится, скорее, не «чужое», а «недоосвоенное», промежуточное, примыкающее к рубежу, за которым как раз и располагается это «чужое». Отсюда понимание регионального пространства в обязательном порядке дополняется фундаментальным императивом в массовом сознании. Им становится мифологема границы [9], противопоставляющая рациональной идее однородного и универсального политического мира конфликтогенную систему ориентаций: «родная земля — чужая земля», «наши — не наши» и т. д. В этом контексте осуществляется конструирование «чужого» и «своего» миров. Применительно к региональному пространству его моделирование в мифологизированной форме означает вычленение региональной общности как некой «особости», противопоставление территории центру и другим регионам по принципу «мы — они», наделение ее исключительно позитивными чертами и формирование положительного отношения личности к данной территории.

Таким образом, региональная мифология трансформирует локальный социум из условной социальной общности (население, атомизированно проживающее на территории субъекта федерации) в реальную (люди, идентифицирующие себя с данной территориальной группой, ощущающие единство интересов и эмоциональную близость). В результате происходит перенесение идеологических символов и стандартов в социальную психологию, соединение абстрактных теоретических подходов и социальных методик со сферой обыденного сознания, причем в мифологии доминирует именно эмоциональный компонент.

Целеполаганием современной российской политической мифологии является поиск и формулировка региональной идеи. Не национальной,

поскольку в нынешних условиях* ее концептуальное оформление и уж тем более реализация принципиально невозможны, а именно региональной. В определенной степени территориальной элите это сделать удалось, хотя по своей сути региональная идея конфликтогенна и связана с культивированием преимущественно негативных эмоций, однако не на уровне массового действия, а локально и культурно.

Анализ риторики регионализма позволяет выделить следующие основные компоненты региональных мифологий:

- историческая составляющая;
- миссионерство;
- геополитическая составляющая;
- утопическое прожектирование;
- «образ врага» и «образ героя».

В определенном отношении перечисленные компоненты представляют собой универсалии, поскольку имманентно присущи практически любым региональным идеологическим конструктам вне зависимости от этнической или территориальной принадлежности элиты.

Содержательными элементами исторической составляющей являются постоянные ссылки на значимые этапы в жизни региона, яркие события, ставшие своеобразными символами. Например, попытка реанимировать (и в риторике и на практике) традицию проведения Нижегородской ярмарки, бывшей до 1917 г. одним из самых знаменательных событий общественно-экономической жизни России, демонстрирует стремление регионального руководства провести историческую параллель с периодом стабильного и устойчивого развития, когда Нижегородский регион играл роль экономического авангарда. Таким же образом этап губернаторства Столыпина в Саратове предстает в идеологических схемах нынешних региональных руководителей как образчик и ориентир в осуществлении стратегии реформ.

Еще более существенной является апелляция к историческому контексту в рамках этнорегиональных идеологий. Так, в высказываниях политических лидеров Калмыкии часто можно услышать повествование о трагической истории калмыков в XX в., в которой было и раскулачивание, и эмиграция, и угроза потери родного языка, и ассимиляция. Татарстан рассматривается идеологами регионализма в качестве наследника таких известных в российской истории государственных образований, как Булгарское царство, Золотая Орда и Казанское ханство. И это наследие сегодня преобразуется в новую парадигму для республики, превращая ее в своеобразный «локомотив истории»: «Татарстан... своей философией, идеологией, концепцией и политикой.., выполняя роль "бульдод-

* «Эти условия, отмечают исследователи, связаны с факторами и социально-экономического порядка, и с ценностным вакуумом, и с обстоятельствами российского политического процесса». «Идеологию, — пишет Н. Шестов, — создает не общество... ее создает власть в соответствии со своими текущими и долгосрочными интересами...» [10, с. 99]. Поскольку же российская элита представляет собой явление «фрагментированное» (хотя в последнее время ее сегменты все больше консолидируются), то и создание объединяющей социум идеологии — дело отдаленного будущего.

зера", не только очищает социальное поле от извилин и наростов для собственного эксперимента, но и открывает путь для других региональных центров» [11, с. 5].

Как видно, региональное миссионерство — подчеркивание уникальности региона, его значимости для судеб отечества, России в целом — тесно связано и прямо вытекает из исторического контекста. Складывается система представлений о регионе как «малой Родине». Обычно в идеологических построениях ссылки делаются на своеобразное геополитическое положение территории, при этом регионы наделяются особыми характеристиками. Например, Оренбуржье, расположенное на границе Европы и Азии, рассматривается региональными идеологами как «форпост России». С помощью исторической аргументации создатели данного лозунга пытаются доказать колоссальный вклад территории в безопасность Российского государства: «...именно через Оренбург российское правительство старалось закрепить имеющиеся торговые пути на Востоке, осуществляло всю дипломатическую деятельность, следило за происками англичан в Афганистане. Ведь в случае его захвата оставался один шаг до захвата и всей Средней Азии» [12, с. 11–12]. Порой мифологема миссионерства приобретает самые радикальные формы. Так, идеология «сибирского регионализма», озвученная руководителями Омской области, нашла свое выражение в изоляционистских лозунгах: «Мы привыкли рассчитывать только на себя; мы знаем, в чем нуждается область; мы вполне можем существовать независимо». Интересно, что такая установка имеет глубокие исторические корни. Сформировалась она еще в середине XIX в. в среде сибирских студентов и базировалась на тезисе «Сибирь — колония России». Отсюда вытекали призывы к вооруженному восстанию и отделению Сибири от Российской империи [13]. Сегодня идеология областничества выполняет в большей степени деструктивную функцию, стимулируя сепаратистские настроения.

Миссионерство имеет своим логическим следствием формирование геополитических ориентаций региональной элиты. Это связано и с объективными причинами — одновременно протекания процессов транснационализации элитных групп и их региональной самоидентификации (становлением воли к государственному строительству в границах региона). Собственно, в этом заключается одно из принципиальных различий между высшими и региональными элитами: для первых роль транснациональных интересов гораздо значительнее, нежели роль интересов национальных. Географическое расположение региона, наличие или отсутствие природных ресурсов, близость или удаленность от коммуникаций, климатические условия также влияют на внешнеполитические и внешнеэкономические ориентиры. Интересно, что в этнических регионах (в первую очередь республиках) эти объективные факторы дополняются поисками социокультурной общности с этносом избранной страны. Так, стремление к сотрудничеству с США в Татарстане объясняется близостью цивилизационных ценностей народов этих двух стран. В подтверждение приводится «вполне обоснованная» гипотеза академика А.Г. Каримулина о происхождении индейцев Америки от древних тюркских пле-

мен (!). Мало того, доказывается, что этос американских бизнесменов был близок к сложившемуся этосу болгарских и татарских купцов.

В региональных идеологических построениях геополитическая составляющая получила четкие очертания — каждый регион точно знает, на кого надо ориентироваться и с кем выгоднее всего иметь дело. Руководство Приморского края неоднократно заявляло, что региону целесообразнее всего развивать разносторонние контакты с Китаем и Японией. Ленинградская область и Санкт-Петербург, а также Карелия, не отвергая возможности сотрудничества с любым государственным образованием, предпочтительнее всего отзываются об отношениях с ближайшими соседями — странами Балтии и Скандинавии. Именно в государствах Северной Европы эти регионы видят наиболее перспективных торговых партнеров, а также источник передовых технологий, инвестиций и финансовой помощи. Оренбуржье стремится создать прочные связи со среднеазиатскими республиками и государствами Центральной Азии.

Геополитические ориентации формируют внешнюю политику региона, которая получает вполне автономный характер. Так, ряд областей Дальневосточного региона (Амурская область, в частности) установил настолько тесные экономические отношения с приграничными китайскими провинциями, что некоторые эксперты даже говорят о возникновении целостного экономического организма ДВР-Догбей [14, р. 934–939].

Внешнеполитическая компонента региональной идеологии оформляется при активной стимуляции извне: ряд зарубежных стран предпочитает сотрудничать не с Москвой, а именно с регионами. Например, в мае 1996 г. финское правительство приняло документ под названием «Стратегия Финляндии по сотрудничеству с соседними областями северо-восточной России и балтийскими республиками», ставший основой российско-финской приграничной кооперации. Европейский Союз инициировал в 90-х годах специальную программу «Интеррег», нацеленную на поощрение приграничного сотрудничества. Из четырех программ Интеррега, реализуемых в Северной Европе, две — «Интеррег Баренц» и «Интеррег Карелен» — охватывают Мурманскую область и Карелию.

Своеобразие этнических регионов проявляется в том, как верно подметил В. Барсамов, что сила внешнеполитических ориентаций пролегает там не по линии политико-партийного размежевания (правые-левые, радикалы-умеренные, консерваторы-либералы и т. д.), а по линии ориентации на соседнее, более сильное государство [15, с. 63]. Сегодня практически в каждой республике можно выделить кланы с промосковской, протурецкой, проарабской и т. д. ориентациями.

Утопическое прожектирование — важный составляющий элемент мифологии: электорату необходим конкретный (и желательно яркий) образ того будущего, к которому следует стремиться. Французский историк Люсьен Февр так охарактеризовал утопию и тот период, когда она приобретает завершенную форму: в ней «смешаны друг с другом предвосхищения и констатации: контуры мира, каким его видят, и черты мира, который угадывают и возвещают, мира завтрашнего и послезав-

трашнего дня. Именно в эпохи тревоги, в переходные эпохи прокладывают себе путь прорицатели и пророки. Они молчат, когда новый порядок установился и кажется способным противостоять бурям своего века. Они берут слово тогда, когда обеспокоенное человечество пытается определить главные направления социальных и нравственных потрясений, неизбежность и грозный характер которых ощущает каждый» [16, р. 742]. Потому нет ничего удивительного в том, что утопический элемент резко активизировался в сегодняшней ситуации неопределенности.

Уровень утопизма предлагаемого проекта может сильно варьироваться в зависимости от ранга субъекта в федеративной системе (республика — область — край), от степени этнической гомогенности региона, от социально-экономической ситуации в данном социуме и прагматического настроения (видения реальных проблем) самой элиты. Пожалуй, именно утопизм является наиболее ярким индикатором различия становящихся региональных идеологий.

Так, еще в первой половине 90-х годов ряд областей провозгласили себя республиками в составе России. Далее всех по этому пути пошла Свердловская область, которая объявила себя Уральской республикой и приняла свою конституцию. Была разработана целая система атрибутики, символизирующая автономию государственного образования, вплоть до собственной денежной единицы, специально отпечатанной во Франции.

Национальные республики, обладая значительным объемом прав по сравнению с другими субъектами (областями, краями, автономными округами), разрабатывают «анклавную» модель, т.е. модель своего рода «государства в государстве», имеющую «внеидеологический» характер. «Татарстанскую модель государственности, — пишут авторы соответствующего проекта, — нельзя загонять в классические идеологемы: "либерализм", "социал-демократизм", "социализм", "капитализм" и т.д. Государственной идеологией, сплавивающей, объединяющей все части народа, может быть "смешанная" идеология, базирующаяся на общечеловеческих ценностях центристского толка» [11, с. 83].

Президент К. Илюмжинов носился с идеей преобразования республики в Корпорацию «Калмыкия», которая призвана была охватить своей деятельностью весь регион, превратив всех его жителей в своих акционеров.

Несоответствие мифологической и обыденной картин мира создатели доктрин приписывают действию разного рода сил. В воображении мифомана и его повседневной практике постоянно находится образ прекрасного будущего, которое не реализуется только потому, что этому кто-то препятствует. В региональных теоретических схемах главным виновником всех неурядиц и тем более открытых конфликтов, как правило, выступает федеральная власть. «Именно федеральный Центр в России явился главным источником экономического кризиса и откровенно одиозные региональные режимы, игнорирующие даже видимость демократических процедур и нарушающие права человека (Калмыкия, Башкортостан), возникли не без попустительства Москвы», — утверждает один из исследователей развития политических процессов в Республике Коми [17, с. 10]. Это и подобные ему утверждения не требуют

никакой аргументации, поскольку представляют собой своего рода фетиш, позволяющий, с одной стороны, снижать социальное напряжение в регионе, канализируя его в нужное региональным элитам русло, с другой, — снимать с региональных руководителей всякую ответственность за происходящее на данной территории.

Следует, однако, зафиксировать сложное отношение к России и своим регионам, которое буквально в последние годы вырабатывается в современной региональной элите. Несомненно, выборным региональным лидерам свойственны местничество и партикуляризм. В то же время они декларируют, часто вполне искренне, российский патриотизм. В результате получается причудливая смесь местничества и государственничества, что находит свое отражение в идеологической схеме: губернаторы — это «соль земли русской», «оплот чаяний российского народа» и в то же время они — защитники региональных интересов.

На этой основе конструируется образ героя. Обязательным элементом любой региональной мифологии является имиджевая концепция, которая создается (с той или иной степенью результативности) в отношении регионального лидера — губернатора или президента. Непременными составляющими этого нового образа выступают «богочеловечность» в снятом виде, народность происхождения «героя», радикализм (разумеется, фундаментальный и конструктивный) предлагаемых им программ.

«Богочеловечность» рождается благодаря ссылке на преемственность лидера «делу великих людей» — примеров достаточно: длительное губернаторство Ю. Горячева в Ульяновске, подаваемое как стремление защитить идеалы, осуществленные под руководством «вождя мирового пролетариата»; приобщение К. Илюмжинова к одной из ветвей Чингизхана; «богопомазанность» курского губернатора (чего стоит одна фраза, произнесенная на инаугурации А. Руцкого: «Милостью Божией и волеизъявлением народным губернатор Курской области») и т.д. Обратной стороной этого имиджа являются простота, народное происхождение, которые формируются и закрепляются в массовом сознании благодаря традиционным популистским методам: описание «обычности» социальной среды, в которой жил и воспитывался будущий «герой»; иллюстрация контактов, которые он поддерживает с прежним окружением (однокурсниками, сокурсниками, коллегами) и пр.

Дополнительным инструментом поддержания такого образа в региональной мифологии является создание пантеона культурных героев, среди которых нынешний лидер занимает достойное место. Причем, как отмечает в интересной статье К. Жуков, этот «пантеон не представляет собой нечто окончательно сформировавшееся и завершенное. Наоборот, процесс разрушения одних культов и установления других необычайно активизировался в последнее десятилетие» [18, с. 137]. На примере Петра I автор показывает, как менялось — от анафемы до канонизации — отношение к нему со стороны региональных элит даже в советский период. Сегодня политический лидер практически каждой территории пытается «подобрать» себе великих предтеч, среди которых он был бы уместен.

Что же касается преобразовательных планов лидера, то тут задача региональных мифологических схем — выработать в массовом сознании ассоциации предлагаемых реформ с его именем. Тем самым герой на протяжении всей своей политико-хозяйственной карьеры противостоит хаосу, идущему извне, со стороны федерального Центра.

Итогом деятельности региональных идеологов является создание имиджа региона и прочное закрепление его в массовом сознании. Так, Санкт-Петербург привычно именуется «культурной столицей России»*, Нижний Новгород — «карманом России» или «Российским Детройтом», Новгород — «колыбелью русской демократии», Калининград — «янтарным краем» и «западными воротами России», Самара — (несколько опрометчиво) «Чикаго на Волге» и т.д. Функционально такой имидж имеет две направленности — внутреннюю и внешнюю: с одной стороны, образ территории выступает в качестве базового компонента региональной идентичности и используется для создания благоприятного психологического климата, а с другой, делает регион привлекательным для инвесторов. Естественно, в рамках кампании «раскрутки» административно-территориальной единицы создаются символика, слоганы, своеобразный корпоративный дизайн, происходит и сотворение региональных мифов. Так, в конце 1998 г. «эсклюзивная» идея была запущена в отношении Великого Устюга — «родины Деда Мороза». В качестве классического регионального мифа экспертами рассматривается «саратовский миф».

Сегодня в России объективно сложилось, что «региональные интересы есть именно интересы региональной элиты, которая закладывает программу собственной активности через идеологические вызовы и ответы» [3, с. 112]. Эта ситуация подтверждается и исследованиями зарубежных политологов, в частности, Ричард Саква отмечает: «В России режим подмял под себя государство, а конкуренция элит подмяла под себя гражданское общество» [19, с. 58]. Основная масса населения регионов России на сегодняшний день социально и политически аморфна и пока не оформлена в сколько-нибудь очерченную социальную общность с едиными социальными представлениями, не умеет четко определять свои социальные интересы (требования), сужая их до уровня сугубо бытовых проблем или переводя в плоскость негативного отношения (формулировка претензий) к российской действительности в целом.

В этих условиях региональные органы власти, опираясь на созданную при их же участии мифологию и дополнительно освящая ее своим авторитетом, закрепляют за ней статус не просто доминирующей, а единственной, уникальной, адекватной реальности, что особенно заметно в субъектах федерации с высоким уровнем централизации власти и отсутствием альтернативных механизмов, способных влиять на массовое со-

* Пример с имиджем Санкт-Петербурга является дополнительной иллюстрацией простых взаимоотношений разных уровней власти: созданный и поддерживаемый региональной элитой миф оказался в противоречии с тем образом, который в отношении города выстраивала (во всяком случае, до недавнего времени) федеральная элита, используя различные информационные каналы, — «криминальной столицы России».

знание. Генерируя подобный миф, региональная элита как бы конструирует собственную модель универсума с той или иной долей негативной направленности по отношению к другим регионам и федеральному Центру. Таким образом, достигается главная цель политического мифотворчества — обеспечение лояльности со стороны электората в отношении властных структур территории и сохранение статус-кво.

Литература

1. Панарин А.С. Философия политики. М.: Наука, 1996.
2. Geertz C. Ideology as a Cultural System // Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. London: Fontana Press, 1993.
3. Магомедов А.К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: Сравнительный анализ. Ульяновск: УлГТУ, 1998.
4. Дзуцев Х.В., Цуциев Г.В. Штрихи к портрету региональной идеологии на Северном Кавказе. Владикавказ: ГНЦ РСО-А, 1997.
5. Cassirer E. Essay on Man: an Introduction to a Philosophy of Human Culture. New Haven, 1944.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Изд. гр. Прогресс-Академия, 1992.
7. Маничев С.А. Мифология в политических технологиях // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000.
8. Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России: Автореф. канд. дис. М., 1998.
9. Следзевский И.В. Мифологема границы: Ее происхождение и современные политические проявления // Современная политическая мифология: Содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов и др. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1996.
10. Шестов Н.И. Мифологический фактор российского политического процесса. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.
11. Тагиров Э. Татарстан: Национально-государственные интересы. Казань: Изд-во Казан. фин.-экон. ин-та, 1996.
12. Амелин В.В., Виноградова Э.М. Оренбуржье в системе региональных интересов России (Реальные и иллюзорные представления граждан в зеркале эт-носоциологии) / Под ред. М.Н. Губогло. М. : ЦИМО, 1998.
13. Сибирское областничество. Омск, 1992.
14. Kerr D. Opening and Closing the Sino-Russian Bordes: Trade, Regional Development and Political Interest in North-East Asia // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 6.
15. Барсамов В.А. Этнонациональная политика в борьбе за власть: стратегия и тактика в период общенациональной смуты (десять лет в поисках антикризисной модели). М., 1997.
16. Febvre L. Pour une histoire à part entière. Paris: S.E.V.P.E.N., 1962.
17. Ковалев В.А. Политическая регионалистика как новое направление исследований в российском обществоведении. Сыктывкар, 1999.
18. Жуков К.С. Петр Великий — культурный герой Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 2 (14) .
19. Социально-политические конфликты в российском обществе: Проблемы урегулирования («круглый стол») // Социс. 1999. № 3.